

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Г. М. Заболотная

Социальный и политический
капитал гражданского общества
в условиях посткоммунистического
перехода: региональный аспект

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Zabolotnaya.pdf>

Перепечатка с сайта НИУ-ВШЭ
<http://www.hse.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

Г. М. Заболотная

Социальный и политический капитал гражданского общества в условиях посткоммунистического перехода: региональный аспект

Возрожденный в начале 1980-х годов западными обществоведами и антикоммунистической оппозицией стран Восточной Европы интерес к концепту гражданского общества с начала 1990-х годов постоянно проявляет себя в дискурсе российских обществоведов и политиков, когда речь заходит о перспективах реформ в стране. Проблема гражданского общества обозначилась еще в конце 80-х годов как идея «социалистического гражданского общества». В условиях распада СССР и начавшейся дезинтеграции гражданские структуры были призваны помочь «символически скрепить разваливающееся государство и обеспечить атомизированных индивидов жизненно необходимыми услугами»¹. Новые организации, ориентированные на выполнение социальных и культурных функций, самопомощь должны были отчасти компенсировать «недостаточность» в этих сферах «постперестроечного» государства. Проблема политического измерения гражданского общества появится позже².

Разный интерес к гражданскому обществу, исходные позиции исследователей определяют и разное его толкование. Не останавливаясь на многочисленных толкованиях, обратим внимание на те концепты, в которых гражданское общество рассматривается как форма социальной интеграции людей, разделенных частными интересами.

¹ Риттер М. Политическая сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: проблемы и подходы / Под ред. Г. М. Михалевой, С. И. Рыженкова. М. – СПб.: Летний сад, 2001. С. 20.

² См., например: Перегудов С. П. Гражданское общество в политическом измерении // Международная экономика и международные отношения. 1995. № 12. С.74-85; Соловьев А. И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества // Полис. 1996. №6. С.28-38.

Подобное понимание гражданского общества восходит к идеям Э. Дюркгейма, который рассматривал его через проблему солидарности. По мнению социолога, профсоюзные, профессиональные объединения, церковные, региональные центры способны приобщить своих членов «к новому типу солидарности (или безусловностей), главной моральной ценностью которой является индивид»³. Американский социолог Джеффри Александер определяет гражданское общество как сферу универсализации гражданской солидарности, как «место», где формируются ощущения взаимозависимости друг от друга⁴. Гражданское общество как общность людей, связанных моральными ценностями и отношениями солидарности, понимали и активисты антикоммунистической оппозиции в странах Восточной Европы. От классических либеральных трактовок данную концепцию отличало коллективистское понимание идеи автономности личности. Индивид трактовался как находящийся в оппозиции к государству и системе в целом, но только не как автономный от общества. Такое понимание автономности личности можно определить как «коллективистский индивидуализм»⁵.

Подобный подход может быть дополнен концепцией социального капитала Р. Патнэма. Социальный капитал (в трактовке политолога, это доверие и солидарность) приводит к установлению более тесных связей между гражданами, способствует формированию ими ассоциаций и, в конечном счете, приводит к активизации общественной жизни, повышает «личную гражданскую компетентность». Тем самым социальный капитал трансформируется в то, что можно обозначить как политический капитал общества, необходимый для эффективного взаимодействия с государством. Хотя концепция Р. Патнэмом была встречена в научной среде неоднозначно, нельзя не согласиться с тем, что доверие и солидарность выступают важным условием развития сетевых отношений гражданского общества. Критика Р. Патнэма рядом исследователей заключается в том, что элементы доверия видятся в таких негражданских отношениях, как патронаж, блат или бартер. Сам же Р. Патнэм не распространял доверие на вертикальные отношения «патрон – клиент», т. к. видел в них проявление не взаимности, а зависимости и

³ Цит. по: Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс. 2002. С. 107.

⁴ Alexander J. C. Democracy and Civil Society. Mimeo, Los Angeles: UCLA, 1992. P.2.

⁵ Шацкий Е. Постлиберализм: автономия личности и гражданское общество // Полис. 1997. № 6. С. 16.

неравенства⁶. Близкую позицию занимает польский социолог П. Штомпка, для которого патернализм является заменителем доверия, призванным также дать человеку ощущение упорядоченности и защищенности⁷. Подобные отношения лежат в основе негражданских солидарностей.

Конечно, представление о гражданском обществе как самоорганизации социума на основе солидарности и общих ценностей требует оговорок. На практике гражданское общество представлено разнообразными группами с конкурирующими интересами, а подчас и с собственными версиями общественного блага. Самоограничение в преследовании корпоративных интересов, солидарность и способность генерировать общие интересы проявляет себя как тенденция, противостоящая конкуренции и соперничеству групповых интересов.

Рассматривая российскую ситуацию, отметим, что параллельно теоретическому интересу к проблеме гражданского общества на рубеже 80-90-х гг. в стране стали появляться и отдельные элементы этого общества: политические партии, разнообразные общественные организации, которые определяли себя как «неформальные», подчеркивая тем самым противоположность официально действующим и «заорганизованным» профсоюзным, молодежным, женским, природоохранительным и другим организациям.

В концепциях посткоммунистических переходов состояние гражданского общества определяется через смену стадий «восстановление», «мобилизация» и «демобилизация». Применительно к России мобилизации соответствует политизация и гражданская активность населения конца 80-х—начала 90-х гг. XX в. При всей аморфности созданных структур сохранялась надежда на то, что они сумеют аккумулировать идущую «снизу» инициативу и зададут стране демократический вектор развития. Но политизированность не трансформировалась в эффективные гражданские ассоциации. Это видно по состоянию российских партий. Парадоксальность заключается в том, «взрывной» характер развития многопартийности, проявившийся в 90-х гг., так и не привел к формированию эффективных партий. К ситуации с партиями этого периода подходят слова П. Штомпки: «гражданское

⁶ Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Пер. с англ. М.: Ad Marginem, 1996. С. 217.

⁷ Sztompka P. *Mistrusting Civility: Predicament of a Post-Communist Society // Real Civil Society. Dilemmas of Institutionalization* / Ed. by J. C. Alexander. Guildford, Surrey: Biddles Ltd., 1998. P. 199.

общество было создано сверх меры»⁸. Демобилизация гражданского общества проявилась в тенденции отхода населения от общественной и политической жизни. Неоправданность надежд на активное гражданское общество породила дискуссии о его культурных параметрах («западное» или «восточное»), перспективах развития («атомизированное» или «сетевое»), как и в целом о его возможности в России. Актуальным стало обращение к выводам правоведов, сделанных еще в XIX в. (К.Д. Кавелина, Б.Н. Чичерина и др.), относительно особенностей западного и российского общества и роли государства в оформлении общественного устройства. Вывод о том, что все в России получает бытие от государства, «подчиняясь мановению сверху», распространяется и на само гражданское общество.

Ответ на вопрос о реальном состоянии гражданского общества, его социальном и политическом капитале выходит за рамки теоретических дискуссий и предполагает изучение реальной практики развития «гражданского сектора» в регионах. Один из таких регионов – Тюменская область и два автономных округа – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий.

На первое января 2006 г. на территории всей Тюменской области действовало более 10 тысяч общественных организаций, из них почти половина действует на территории юга области, 3200 – в ХМАО, 1666 – в ЯНАО. Проведенное исследование свидетельствует о неравномерности в развитии инфраструктуры гражданского общества. Значительная часть общественных ассоциаций граждан сосредоточена в нескольких крупных городах (Тюмень, Ноябрьск, Новый Уренгой, Сургут, Нижневартовск), что служит подтверждением того, что гражданское общество «вырастает» в городском пространстве, концентрирующем в себе разнообразие интеллигенции и профессиональных групп. Наблюдается неравномерность и в развитии отдельных секторов общества. Более трети зарегистрированных организаций – профсоюзы, 13-15% – спортивные организации. Численность же благотворительных, экологических и правозащитных организаций в общем составе ассоциаций составляет 1% – 3%. Хотя для развития гражданского общества важны все формы самоорганизации граждан, чертой развитого общества является активность организаций, ориентированных на солидарность «с другими» группами: благотворительных фондов, организаций взаимопомощи и социального обеспечения, правозащитных движений. Сюда можно

⁸ Sztompka P. Op. cit. P.192.

отнести и экологические движения (оно практически не развито в регионе) как своеобразную форму выражения солидарности с будущими поколениями и ответственности перед ними. Вместе с тем существует общественный запрос на деятельность подобных организаций. Так, 29% участников социологического опроса отметили, что в первую очередь должны получить развитие детские и молодежные организации, 25,6% – правозащитные, 22,5% – экологические, 17,8% – организации взаимопомощи, 8% – благотворительные. Правозащитная и экологическая деятельность – в числе приоритетных. Требуется пояснения запрос на правозащитные организации. По мнению большинства опрошенных, эти организации должны заниматься конкретными проблемами рядовых граждан, защищая их от произвола или непонимания чиновников и работодателей.

Особенностью всего тюменского региона является низкая способность партий (основного властно-ориентированного института гражданского общества) оказывать реальное влияние на региональную и местную политику. Малочисленность большинства региональных отделений партий, их низкая популярность среди населения (только 3,5% респондентов отметили значение партий для региональной жизни) в совокупности с электоральными институтами, используемыми до 2003 г. при выборах законодательных собраний региона, существенно ограничили их политический ресурс. Низкий электоральный потенциал большинства региональных и местных отделений партий ставит их в зависимость от практики выборочного покровительства со стороны администрации или крупных экономических акторов. Учитывая традиционную ориентированность административно-политических элит на Кремль, подобный патронаж распространяется на партии власти. К помощи власти вынуждены прибегать и другие организации. Узость собственной ресурсной базы делает многие из них неспособными функционировать с «опорой на собственные силы».

В целом отношение органов власти к гражданским инициативам противоречиво. Необходимость в управлении политической ситуацией потребовало создания при администрациях области и округов аналитических центров, структур, непосредственно работающих с общественными объединениями, ориентироваться на развитие переговорных процедур и институтов (координационные и консультативные советы, Гражданский форум Тюменской области, городские общественные советы). В то же время, сохраняется настороженное отношение власти к гражданским инициативам и стремление распространить на ряд организаций (прежде всего, на

обладающие потенциалом воздействия на определенную часть электората) патронажные сети. Имеет место практика создания искусственных общественных организаций как способа подключения общественных ресурсов для поддержки партий власти.

В регионе, как и в стране в целом, развитие гражданского общества сдерживается рядом факторов. Прежде всего, это ограничения социоструктурного характера, связанные с состоянием экономики и уровнем жизни, порождающие отстраненность населения от общественно-политической жизни. Другие причины кроются в противоречивости нормативной базы, что снижает возможности влияния организаций гражданского общества на политическую жизнь. Используя термин экономиста В. Полтеровича, эти ограничения можно определить как «институциональные ловушки» для гражданского общества. Другие ограничения заданы социокультурными и социопсихологическими факторами, в том числе ценностными ориентациями населения и их установками на социальный активизм.

Результаты опросов свидетельствуют о парадоксальной ситуации. С одной стороны, существует общественный запрос населения на гражданские ассоциации как каналы реализации своих интересов, но с другой, — люди не проявляют непосредственной активности как в создании подобных организаций, так и в деятельности уже имеющих. Гражданские ассоциации все еще остаются сферой активности узкой группы единомышленников. Так, 1,7% из опрошенных нами жителей юга области и автономных округов (1680 респондентов) ответили, что являются членами общественных организаций, 24,3% вспомнили о своем членстве в профсоюзах, 2,5% — в партиях. Причины столь низкой вовлеченности в общественные объединения объясняются рядом моментов: неверием в их эффективность как способа коллективного отстаивания интересов; слабыми коммуникационными обменах институтов гражданского общества с населением (только 46,2% респондентов «знают» или «что-то слышали» об общественных организациях) и друг с другом; «усталостью» населения от политики.

Важным индикатором готовности граждан социально активно проявить себя, является их установка на выбор той или иной стратегии поведения с целью защитить собственные интересы. Выбор варианта поведения также есть результат оценки людьми их эффективности. Как можно судить по ответам на вопрос: «Какой способ выразить свое мнение и защитить свои интересы Вы считаете наиболее действенным?», — население предпочитает одновременно использовать несколько способов действия: как правовые формы защиты своих интересов, так и поддержку

со стороны друзей и покровительство начальника. Так, 35,5% опрошенных ответили, что обратятся в суд, 24,1% попытаются решить проблемы через своих знакомых, 21% обратятся в СМИ, 20,5% – к своему депутату или в органы исполнительной власти, 13,7% – к непосредственному руководителю, 9% – в свой профсоюз. О готовности прибегнуть к активным формам протеста – забастовкам, демонстрациям – заявили 8,8% респондентов. Самые низкие позиции по количеству ответивших заняли варианты ответов – «через деятельность политической партии» (1,7%), «через создание собственной общественной организации» (0,6%). Таким образом, выражение индивидуальной социальной активности, в том числе использование ресурсов неформальных социальных сетей, оценивается как более надежный способ защиты своих интересов, нежели активность в составе общественных ассоциаций. В то же время 28,6% респондентов выбрали пассивную стратегию: «Ничего не буду делать, т. к. все бесполезно». Такой уровень гражданской саморефлексии не является достаточным для появления действенных общественных ассоциаций. Население явно не верит в то, что они каким-то образом способны воздействовать на власть.

Серьезным самоограничением гражданского общества может выступать социальная саморефлексия индивида, т.е. его самоидентификация с различными группами и общностями. Развитие отношений доверия и солидарности в рамках подобных групп отвечает потребностям активизации ассоциированной жизни граждан. Как показали результаты исследования, ведущим для респондентов стал этнический критерий самопричисления, затем земляческий и поколенческий. Опрошенные были более сдержанны в демонстрации позитивной установки на самоидентификацию с людьми той же профессии, имущественного положения и близких политических взглядов. Но именно развитие сетевых взаимодействий в рамках данных групп играет существенную роль в становлении общественно-политического сектора гражданского общества.

Не может быть гражданского общества без особого типа гражданственности, предполагающего в том числе и такие качества, как представление о себе как субъекте правовой системы, чувство ответственности и гражданского долга. Исследование, проведенное среди молодежи области (1400 респондентов) показывает, что эти качества не представляют системного единства. Значительная часть респондентов идентифицирует свое «гражданство» с формальной принадлежностью к государству: «жить в России» – 51%; «обладать правами гражданина России» – 47 %. С обязанностями и чувством долга перед страной –

40,5% опрошенных. Но лишь десятая часть респондентов включает в свое представление о гражданстве проявление собственной активности в развитии гражданского общества и демократии. Молодежь, которая, казалось бы более оптимистично воспринимает реальность и восприимчива к либеральным ценностям, также как и старшее поколение ориентирована на зависимость в плане социальной защиты, нежели на собственный активизм. Так, только 6,5% молодых респондентов считают, что сами способны решить свои проблемы. Отвечая на вопрос о привлекательных для себя идеях, 57,3% респондентов выбрали идею безопасности, 53,2% – стабильности. В то же время, свобода и права человека, его личное достоинство актуальны для 40,7% респондентов. Конечно, нельзя утверждать, что демократические ценности вытеснены у молодежи на периферию сознания, но они находятся в эклектичном сочетании с противоположными ценностями и установками. Так, представление о гражданском долге сочетается с высоким уровнем электорального абсентеизма и общественной пассивностью.

В условиях, когда население проявляет пассивность в гражданской самоорганизации, власть реализует свой собственный проект гражданского общества. Обществу была «подарена» партийная система (в таком контексте может быть рассмотрено российское электоральное законодательства, Закон «О политических партиях», появление «партий власти»). «Сверху» был инициирован процесс создания публичной сферы гражданского общества. Так, можно вспомнить общественную палату из представителей общественных объединений, созданную в 1996 г. при Президенте России, которая чуть позже трансформировалась в Политический консультативный совет. Аналогичные структуры (координационные и консультативные советы, непосредственно работающие с общественными организациями) стали появляться и в регионах. В последние годы идет активный процесс институционального оформления «переговорных площадок» власти и общественных организаций. В 2001 г. был проведен съезд Гражданского форума, а в 2005 г. принят закон «Об Общественной палате» и сформирована сама палата. При этом власть говорит о том, что существующие общественные организации смогут выступить в роли экспертного сообщества, выявить и представить интересы граждан, наладить диалог граждан и власти. Нет сомнения, что публичная сфера как пространство широких дискуссий необходимо для гражданского общества. Более того, концепт публичной сферы является одним из востребованных при обсуждении перспектив развития гражданского общества. В ней видят дискурсивную среду для кооперативного способа решения проблем в демократических условиях

(Дж. Дьюи); сферу, где одна группа становится солидарной с другой (Б. Хайнц); место формирования взаимного согласия, сопричастности и демократизма (Ю. Хабермас); арену практических действий во имя общего блага (Ю. Красин); выражение ассоциативности гражданского общества (Ж. Тощенко). Но способны ли эти усилия российской власти породить демократические эффекты?

Во-первых, учреждая Общественную палату, власть тем самым признает, что ее законодательные органы и представленные здесь партии не способны функционировать в режиме прямой и обратной связи с обществом и представительства интересов последнего.

Во-вторых, велик соблазн распространить патронаж и контроль власти за общественной инициативой, использовать ее для проведения решений власти в жизнь (особенно для реализации общенациональных проектов).

В-третьих, отдача от новых институтов определяется не только характером реализуемых органами власти стратегий отношения с данными структурами, но и тем насколько сами граждане будут заинтересованы в получении подобной отдачи. При низком уровне активности населения есть опасность, что новые институты замкнутся сами на себе. Наряду с низкой активностью населения есть и другая проблема (в частности ее признают активисты Гражданского форума Тюменской области и городского Общественного совета) – слабое отражение работы форумов в принятии решений органами власти.